

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРХИТЕКТОРА В.Ф. СВИНЬИНА

УДК [929.52+930.253]Свиньин В.Ф.

Русский музей императора Александра III: здание для Этнографического и Памятного отделов. 1900–1917

ЗОЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕРСКЕВИЧ

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург. Старший научный сотрудник
e-mail: perskevich@mail.ru

В.Ф. Свиньин, опираясь на лучшие образцы классического архитектурного наследия, разработал план сложного музейного комплекса. Строительство здания Этнографического и Памятного отделов Русского музея императора Александра III с самого начала осложнялось многими трудностями: войнами 1904–1905 и 1914–1918 годов, ограничением финансов, полемикой между сторонниками и оппонентами планов архитектора в Академии художеств и прессе. В результате был реализован лишь сокращенный вариант задуманного проекта здания Этнографического отдела. В статье используются редкие архивные источники, материалы прессы начала XX века, служебная переписка архитектора.

Ключевые слова: дворцовый манеж, Памятный зал, урезанный план, оппоненты, сторонники, полемика в прессе.

UDC [929.52+930.253]Свиньин В.Ф.

Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III: Building for the Ethnographic and Memorial Departments. 1900–1917

ZOYA A. PERSKEVICH

Senior researcher, State Russian Museum, St. Petersburg, Russia
e-mail: perskevich@mail.ru

Using the best examples of classical architectural heritage, V.F. Svinyin developed a plan for the ambitious museum complex. Since the beginning, the construction of building of Ethnographic and Memorial Departments of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III was complicated by many problems: wars of 1904–1905 and 1914–1918, finance limitations, disputes between the supporters and opponents of the architect's plans at the Academy of Arts and in the press. As a result, only a shortened version of the conceived project of the building of the Ethnographic Department was implemented. In this article rare archival sources, press materials of the early XXth century, as well as official correspondence of the architect are used.

Key words: palace manege, Memorial hall, reduced plan, opponents, supporters, disputes in the press.

*Фасад главного здания
Российского этнографического музея.
Архитектор В.Ф. Свиньин.
Современный вид*

Архитектурно-планировочная концепция комплекса Русского музея с самого начала определялась его структурой, предначертанной в историческом указе от 13 апреля 1895 года: «В музее этом должна быть, прежде всего, отведена подобающая важному ее значению часть, посвященная памяти о жизни и царственных трудах Родителя Нашего. С тем вместе, и впредь до составления этнографических и исторических коллекций, подлежит немедленному устройству Художественный отдел Музея...».

Экспозицию Художественного отдела разместили в главном корпусе Михайловского дворца, причем три центральных гостиных бельэтажа были выделены для Памятного отдела. Те два с половиной года, за которые были выполнены все необходимые работы по реконструкции здания, одновременно стали подготовительным периодом, в продолжение которого определились перспективы дальнейшего расширения музея. Следующей задачей было создание Этнографического отдела, где сосредоточились бы коллекции предметов народной культуры.

Отдел должен был разместиться на месте бывших Манежного и Конюшенного флигелей, располагавшихся с восточной стороны от главного музейного здания (илл. 1). В первом, помимо манежа, замыкавшего каре флигеля с севера, еще недавно были покои великой княгини Екатерины Михайловны, квартиры при-

дворных и служителей, помещения придворной конторы и пр. В соседнем помещались большие конюшни, каретные, экипажные, сенные сараи, кузницы, жилье для младших служителей. Эти флигели требовали серьезной реконструкции.

В ноябре 1897 года по указанию великого князя Георгия Михайловича В.Ф. Свиньин выполнил первый проект Этнографического отдела. На чертежах, которые хранятся в музейном архиве¹, видно, что фасад нового корпуса музея представлен в архитектурных формах Росси. Левое крыло его (бывш. Манежный флигель), примыкающее к главному корпусу и выходящее на Михайловскую площадь, оставлено почти неизменным, что, безусловно, свидетельствует о стремлении сохранить ансамбль площади. Конюшенный же флигель полностью переработан и превращен в правую, идентичную левой, часть этой постройки. Теперь это было, в сущности, новое здание с протяженным симметричным фасадом. Центральный вход имел вид лоджии, оформленной колоннами и небольшим аттиком. Симметрично скомпонованный план здания не позволяет выяснить, предполагались ли в нем помещения, предназначенные для Памятного отдела.

К 1900 году ясно определилась необходимость устройства особого помещения для Памятного отдела, помимо тех трех центральных залов в главном корпусе дворца, которые

были переданы ему изначально. 15 марта 1900 года, после того как правительству разрешено было отпустить на расширение музея полтора миллиона рублей с рассрочкой на 5 лет, состоялось первое заседание комиссии, специально посвященное этому вопросу². Открывая заседание, великий князь Георгий Михайлович подчеркнул, что в соответствии с указом 1895 года, Памятный отдел должен стать первым по значению, а его оформление – достойным памяти того, чье имя носит музей.

На заседании члены комиссии впервые были ознакомлены с проектом Памятного зала. Под него устроители музея решили отвести бывший манеж Михайловского дворца (илл. 2). Манеж располагался в обширном прямоугольном двухсветном зале с центральной площадкой в 300 кв. саженей³. Окнами он выходил во двор флигеля и сад. Площадку манежа окружала с четырех сторон колоннада с двойным рядом колонн по торцам, между которыми по углам были установлены фигуры лошадей на пьедесталах. Колонны галереи стояли на высоких постаментах. Промежутки между колонн были зашиты вровень с постаментами. Таким образом, со стороны площадки создавалось впечатление, что колоннада покоится на сплошном высоком цоколе (илл. 3).

Проектом предусматривалась закладка окон, устройство верхнего света, укладка каменного пола, облицовка мрамором стен, карнизов, колонн, пилястр, ступеней и пр. Цоколь колоннады архитектор решил использовать для размещения большого скульптурного фриза, опоясывающего зал и изображающего всенародное поклонение царю-мироотворцу. Для этого предполагалось повисить уровень пола колоннады до высоты бортика, на уровне нового пола между колоннами поставить ажурные решетки. Базы и капители колонн, решетки и барельефы были задуманы из бронзы. Композицию мемориала должен был завершить установленный в центре зала памятник императору Александру III работы Антокольского.

Представляя свой эскиз перестройки манежа, В.Ф. Свиньин пояснил, что выбор стиля «empire» обусловлен формами Михайловского дворца. Комментируя проект, он, однако, высказал мысль, что в архитектурном отношении лучше было бы поместить Памятный зал в центре будущего нового здания, так как при существующей планировке этот главный зал музея окажется в углу сооружения. Великий князь Георгий Михайлович, напротив, считал, что идея устроить зал Александра III именно в манеже, непосредственно примыкающем к главному зданию, хороша потому, что в этом случае Памятный отдел станет центром всего музея и через него

Художественный и Этнографический отделы свяжутся в единый комплекс. Комиссия согласилась с мнением Георгия Михайловича и постановила перестроить дворцовый манеж под Памятный зал, сохранив также мемориальную экспозицию в трех гостиных дворца. Вскоре была образована Высочайше утвержденная Строительная комиссия под председательством вице-президента Академии художеств графа И.И. Толстого.

В мае 1900 года августейший управляющий вынес проект Памятного зала на обсуждение Академии художеств для оценки его с художественной точки зрения. Рассматривала его комиссия в составе архитекторов Р.А. Гедике, Л.Н. Бенуа, Г.И. Котова, А.О. Томишко и скульптора М.А. Чиждова. Отметив соответствие оформления зала общему характеру здания музея, комиссия приняла проект, но при этом сделала несколько замечаний. «При устройстве верхнего света желательно его расширить, уменьшая падающую, а линию падающей держать покруче. <...> Статую Императора надлежит поставить выше, так как ее подножие ниже пола галереи, следовательно, для зрителя, находящегося на галерее, она поставлена низко. Место для барельефов не подходит, так как они слишком близко к полу, и самый барельеф на таком уровне крупен»⁴. Вместе с тем, 18 августа 1900 года этот проект Памятного зала был одобрен Николаем II, а архитектор В.Ф. Свиньин назначен строителем с правом голоса в комиссии.

Главную роль теперь играл отданный под Памятный зал манеж. Сразу развернулись практические работы по укреплению его фундамента. По предложению графа И.И. Толстого была уточнена тематика скульптурного рельефа как изображение бытовых сцен из жизни народов России. Заказ по разработке эскиза композиции был отдан живописцу профессору Н.А. Кошелеву и молодым скульпторам В.С. Богатыреву и М.Д. Харламову. Одновременно начались переговоры о поставке розового карельского мрамора, на чем настаивал архитектор, мечтавший выстроить музей «из русских материалов и русскими силами». Для перевозок мрамора по воде был куплен буксирный катер «Биржевик», на Варшавской железной дороге взяты в аренду 5,5 верст старых рельсов для укладки их по пути перевозок. Производство деталей из мрамора предстояло наладить прямо на территории музея, устроив в саду рядом со стройкой небольшой хорошо оснащенный камнеобрабатывающий завод.

Так как производство работ только в одном этом помещении флигеля было невыгодно в техническом отношении, решено было пересмо-

треть первоначальный проект 1897 года и строить оба отдела одновременно. В отчете музея за 1900 год как раз упоминается о представленных строителем нескольких вариантах нового проекта здания Этнографического и Памятного отделов.

В документах весны 1901 года впервые появляются сообщения о предполагаемой разборке Манежного и Конюшенного флигелей. Об этом упоминают в связи с необходимостью расселения помещавшихся в них жильцов. Строительная комиссия ходатайствовала о выделении дополнительного кредита на постройку нового жилого дома для младших служителей и приспособление для музейных нужд Прачечного корпуса на углу Инженерной и Садовой улиц. Ходатайство было удовлетворено, и в течение 1901–1902 годов на месте бывшего дровяного двора, выходившего на Екатерининский канал, был возведен новый служительский дом (ныне дом 2-б). К концу 1902 года закончились также работы и в бывшем Прачечном корпусе, где разместили этнографические фонды, музейную канцелярию, мастерскую архитектора, а также выделили несколько квартир для старших музейных служащих.

Как говорится в отчете за 1902 год, в это время «окончательно выяснилась совершенная непригодность для музейных целей старых служебных флигелей», отчего возникла идея сооружения монументального здания для новых отделов музея. Очевидно, по своим архитектурным формам флигели в недостаточной степени отвечали той торжественности, даже помпезности, которая, по мнению устроителей, требовалась от Памятного сооружения. В.Ф. Свиньин позже упомянул об этом, отметив, что вследствие крайней серьезности назначения Памятного зала, при проектировании новой постройки имелось в виду наружным видом подчеркнуть эту значимость и, вместе с тем, стилистически связать новое здание с главным корпусом⁵.

Вопрос освобождения места под новое здание музея был согласован и подготовлен осенью 1902 года. Разборка флигелей шла зимой 1903 года. Товарищ управляющего музеем граф Дмитрий Иванович Толстой⁶ сообщил об этом, как о свершившемся факте, и о шуме, поднятом любителями старины⁷, великому князю Георгию Михайловичу в Афины. В ответном письме Д.И. Толстому управляющий музеем писал: «Что касается до разорения флигелей, то я сам жалею, что приходится их до основания срывать, но что же делать, когда на этом месте должен стать громадный Музей. Думаю, что если бы мы представили кричащей публике проекты перестроенных флигелей под музей или новое краси-

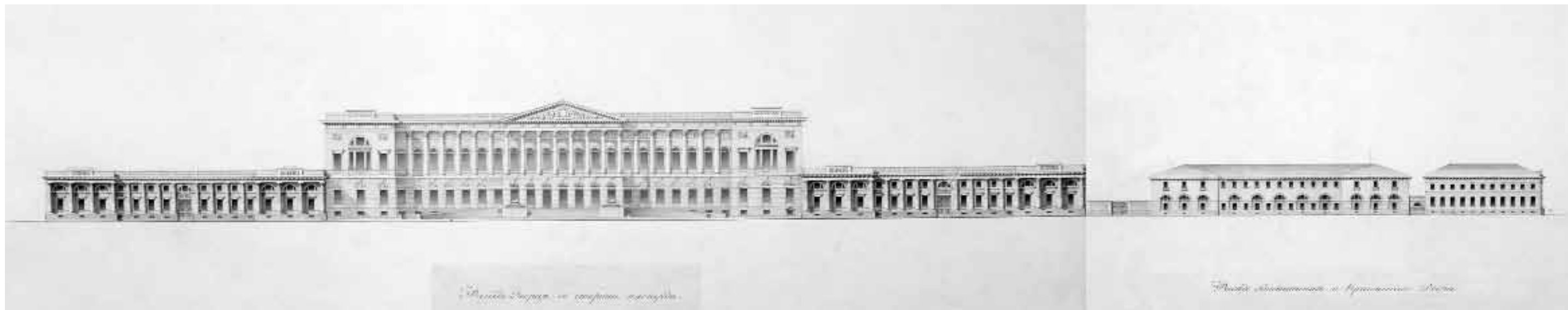
вое здание, то все крикуны выбрали бы второй проект»⁸. Стоит отметить эту определенность в позиции руководства музея.

В конце февраля 1903 года академическая комиссия в составе академиков Л.Н. Бенуа, Г.И. Котова и В.В. Сулова рассматривала выполненный В.Ф. Свиньиным проект нового музейного здания и высказала замечания по оформлению средней части его фасада, освещению лестниц и Памятному залу, указав, в частности, что «два ряда колонн в Большом зале по узким сторонам излишни» (илл. 4)⁹.

В марте В.Ф. Свиньин предложил второй вариант проекта. Комиссия, одоблив его в принципе, повторила в несколько измененном виде свое требование «уничтожить второй ряд колонн в Памятном отделе со стороны, противоположной входу, где два ряда колонн необходимы ввиду расположения между ними и стеной зала ряда лестниц для прохода на галерею»¹⁰. В июле 1903 – феврале 1904 года были выполнены очередные варианты.

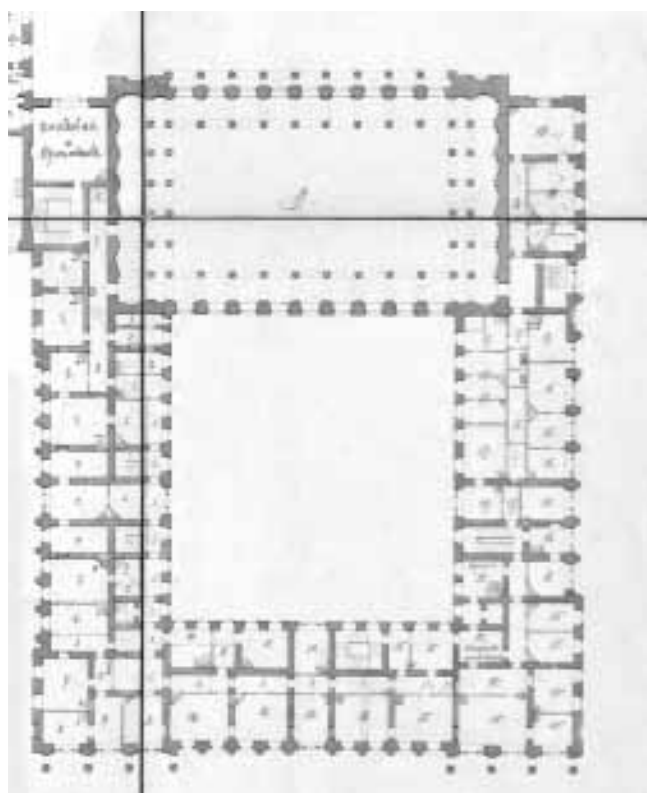
Анализируя эти графические листы, мы обнаруживаем, что, прислушиваясь к мнению компетентной комиссии и совершенствуя свой проект, Свиньин сохранял в целом и, в сущности, воспроизводил свой план перестройки русского манежа в центре будущего нового сооружения, что считал для проекта оптимальным.

8 апреля 1904 года состоялось объединенное заседание строительной и архитектурной комиссий для утверждения художественной части проекта. Обращаясь к присутствовавшим в этот день Л.Н. Бенуа и В.В. Сулову, августейший управляющий просил их высказаться вполне откровенно. Одобрение было получено: «По своей монументальной трактовке проект здания носит характер общественного музея и представлен в хорошо разработанном виде»¹¹. В конце заседания Его Высочество просил членов Академии рассмотреть проект еще раз, вместе с не присутствовавшим архитектором Г.И. Котовым, а затем сообщить ему письменно свое заключение. После этого архитектурная комиссия собиралась в течение апреля еще трижды, и 22 числа в музей поступил заключительный протокол. В.Ф. Свиньин к этому времени уже приступил в очередной раз к доработке проекта, согласно поправкам, предложенным членами комиссии. В итоге в проекте Памятного зала он убрал парные колонны со стороны, противоположной входу. Эти изменения хорошо видны на плане, датированном ноябрем 1904 года. Позднее, 7 июля 1905 года, управляющий в последний раз приглашал профессоров Л.Н. Бенуа, Г.И. Котова и В.В. Сулова для получения окончательного заключения. Таким образом, в течение четырех

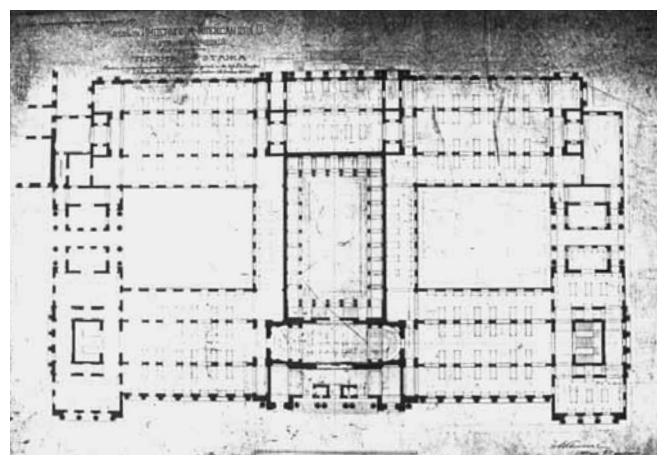
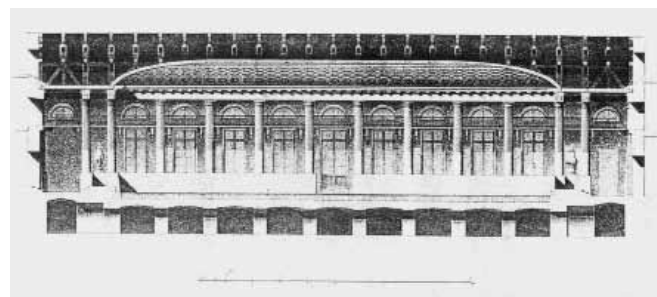

Илл. 1. Развертка лицевого фасада Михайловского дворца с флигелями. Из «Альбома» К.И. Росси. 1826. ГРМ

Илл. 2. План 1 этажа Манежного флигеля. 1870-е гг. ВА ГРМ

Илл. 3. К.И. Росси. Продольный разрез манежа в Михайловском дворце. 1825. Архив ГРМ

Илл. 4. В.Ф. Свиньин. План нового здания Этнографического и Памятного отделов. Проект февраля 1904 года. ВА ГРМ

лет Академия наблюдала за развитием проекта, и в итоге его одобрила. «Выработанный окончательный проект для новых отделов во всех его частях признан вполне отвечающим своему назначению, как со стороны удобств распланировки в нем помещений для специальных целей, так и со стороны требований, высказанных на собраниях отдельных Комиссий и Особых совещаний, равно и в отношении художественной трактовки своей проект, по отзыву Собрания императорской Академии художеств, является вполне соответствующим типу монументальных общественных зданий»¹². Без сомнения, он был выполнен на уровне самых высоких требований, недаром дважды в 1900 и 1903 годах Свиньин ездил в заграничные командировки с целью изучить опыт современного музейного строительства.

Особое место в замыслах архитектора было отдано Памятному залу. Оптимальное решение было найдено уже в первом проекте. Несомненно, привлекала возможность использовать в отделке только самые лучшие материалы – мрамор, бронзу, хрусталь. Но главное, чем он дорожил – это оригинальный прием оформления зала колоннадой, поднятой на высокий цоколь с монументальным скульптурным фризом. Этот прием родился почти случайно, вынужденно, ввиду необходимости приспособить специфическое по своей функции помещение манежа под мемориальный зал. Выпускник Академии Свиньин был настолько художественно эрудирован, чтобы сразу заметить, что здесь представляется случай воспользоваться

приемом, две с лишним тысячи лет назад прославившим архитектора Пергамского алтаря и с тех пор не привлекавшим зодчих. Неизвестно, отметил ли кто из современников эту, столь существенную, особенность проекта Памятного зала. В варианте нового здания почти неизменные, по сравнению с российским манежем, размеры и пропорции зала позволили сохранить ритм горизонтальных членений, а значительно увеличенная высота придавала ему большую величественность. Родился новый художественный образ, достойно выдерживающий сравнение с высокими образцами прошлого.

В 1904 году выяснилось, что с постановкой новой архитектурной задачи суммы, отпущенной в 1900 году, на строительство здания не хватает. Великий князь Георгий Михайлович обратился с посланием к министру финансов В.Н. Коковцову, в котором содержалось обоснование для выделения дополнительных ассигнований.

Выносить проект на Высочайшее утверждение пришлось в условиях начавшейся Русско-японской войны. Министр финансов, ссылаясь на крупные издержки, вызванные военным временем, со своей стороны предложил вести в полном объеме лишь строительство Памятного зала и, чтобы определиться по Этнографическому отделу, просил дать несколько вариантов предложений со сметными расчетами.

Заметим, что при планировании экспозиции советом Этнографического отдела была предложена следующая система размещения памятников по культурным областям:

«Фасад по Инженерной улице изображает южную часть России, левый флигель – западную, правый – восточную, фасад по линии сада Музея – полярную окраину. Центр Музея, в постепенности переходов от юга к северу, от запада к востоку, будет занят русскими племенами, окружая со всех сторон Памятный отдел; верхний этаж, предназначенный для стран Востока и славянства, не может быть расположен так систематично, как нижний, ибо предназначен для слишком различных народностей и их культур»¹³.

В соответствии со сложившейся ситуацией, В.Ф. Свиньин разработал три варианта застройки территории, освобожденной в результате сноса флигелей:

- полный,
- сокращенный – без садового фасада,
- минимальный – еще с одним уменьшением на треть длины боковых флигелей.

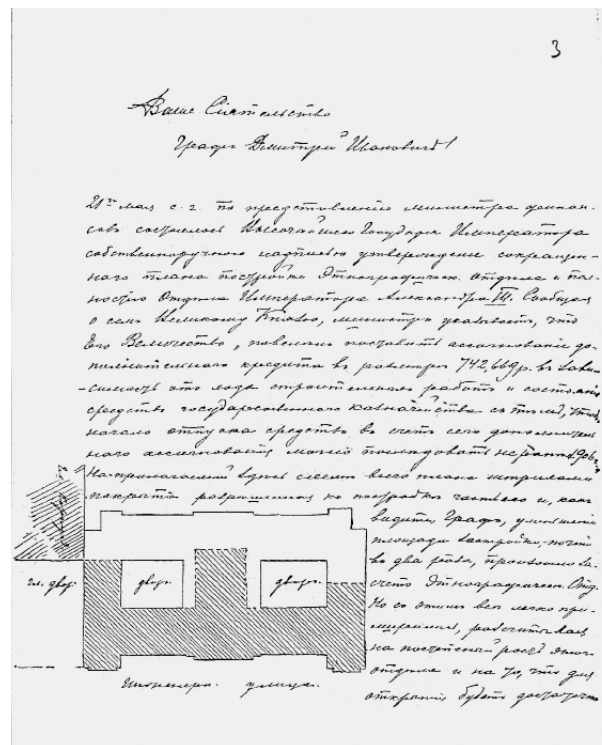
Архитектор писал при этом: «...мы должны будем отказаться от выставки всех северных инородцев и от всей северной старой России до широты Казани и от русской Сибири. Назначение зал, параллельных Памятному отделу, должно служить связующим переходным звеном между Севером и Югом России. При отсутствии фасада в сад они потеряют свое значение, т.к. лучшие два широкие зала не войдут в постройку»¹⁴.

Николай II утвердил наиболее сокращенный вариант, указав ограничиться временно постройкой Памятного зала, лицевого корпуса Этнографического отдела по Инженерной улице, корпуса со стороны главного двора Музея и более короткого корпуса, выходящего во двор канцелярии, о чем музей был извещен официально 22 мая 1904 года. Строительство второй очереди Этнографического отдела откладывалось на неопределенное время. Об этом В.В. Свиньин писал графу Д.И. Толстому: «...уменьшение площади застройки почти в два раза произошло за счет Этнографического отдела. Но с этим все легко примирились, рассчитывая на постепенный рост этого отдела и на то, что для открытия будет достаточно и половины того, что назначается на несколько десятков лет» (илл. 5)¹⁵.

Пока в 1904–1908 годах шли общестроительные работы, в музей было поставлено двести тысяч пудов розового олонцевого мрамора. На заводе, устроенном в Михайловском саду на месте одного из засыпанных прудов, интенсивно шла его обработка.

К концу 1900-х годов в судьбе музея произошел перелом. Он лишился поддержки, положенной в его основание в 1895 году. Со времени

кончины Александра III стала постепенно ослабевать и идеология сторонников национально-православной доктрины, позволившая таким «мужикам», как В.Ф. Свиньин, выйти в люди и столь высоко в свое время поднимавшая зодчего на свой щит. В 1905 году покинул службу в Академии художеств граф Иван Иванович Толстой, стоявший у истоков рождения музея. С его уходом была утрачена та неопределимая внутренняя поддержка Академии, которая позволяла руководству музея благоприятно разрешать все вопросы музейного строительства. «Декаденты», «западники», к которым официальные круги пока еще относились с настороженностью и неприязнью, теперь стали все громче заявлять о своей оппозиции художественным принципам реформированной при Александре III Академии художеств. Демократическую идеологию передвижников теснила формирующаяся новая буржуазная идеология энциклопедически образованных выходцев из художественных интеллигентских кругов. Это позволило им обострить обстановку вокруг музея и строящегося нового здания, превратив В.Ф. Свиньина в объект постоянных изощренных нападок. Ему было сразу и полностью отказано в таланте. Зодчему ставили в упрек то, что он посягнул на созданное

Илл. 5. Страница из письма В.Ф. Свиньина графу Д.И. Толстому 1904 года. РГИА

К.И. Росси, то, что он безобразит весь ансамбль, ставя свое здание в противовес самому дворцу. Особенно заметным критиком выступил тогда «Мир искусства» и один из главных его идеологов – Александр Николаевич Бенуа. Хотя проект В.Ф. Свиньина был согласован не одной комиссией и высочайше утвержден, архитектору теперь предъявлялось обвинение в вандализме, в уничтожении российских построек. Все это не прошло мимо императорской семьи, поддержавшей архитектора, как видно из его письма к министру финансов В.Н. Коковцову (1911): «Не касаясь вопроса – действительно ли этот флигель (Манежный) представляет столь значительную художественную ценность, какую ему хочет придать Академия художеств (вернее, два-три заинтересованных лица), я позволю себе здесь доложить Вам, что совершенно такие же доводы, не знаю, кем навеянные, заставили Государыню императрицу Марию Федоровну еще в 1904 году отдать мне приказ выставить в Аничковом дворце проект (Вами в то время уже одобренный), по которому должна была производиться постройка, и сделанный в одном масштабе фасад такого же флигеля, какой сейчас имеется с правой стороны центрального здания музея. Проекты были выставлены в Голубой гостиной дворца, и я к назначенному часу находился при них. Произошло в этот день буквально следующее. Государыня императрица, войдя в комнату, осмотрев тот и другой фасады, обращаясь ко мне, говорит: “Да ведь это же лучше будет!.. Что за безобразие, мне все уши прожужжали против Вас... оставьте все здесь...”. Вечером в тот день Государь император, Государыня императрица и другие члены императорского дома, после бывшего в тот день общего семейного обеда у Ее Величества вдовствующей императрицы, как мне говорил великий князь Георгий Михайлович, осматривали проекты и были все очень довольны начатыми работами именно по новому проекту»¹⁶.

Наличие же в указе 1895 года требования создать в будущем два новых отдела – Этнографический и Исторический (по другой версии Художественно-промышленный) – подводило строителей к решению о реконструкции в будущем обоих крыльев дворца – правого и левого, причем, два новых здания, подчиняясь законам стиля, должны были бы иметь одинаковое архитектурное оформление фасадов. Предполагалось, что новые здания, подобно флигелям, фланкируют дворец с обеих сторон, и фасадная линия ансамбля музейных зданий займет всю длину Инженерной улицы от Екатерининского канала до Садовой улицы.

Об этом говорит нам памятная записка помощника управляющего музеем графа Д.И. Толстого, обратившегося в 1904 году к министру императорского двора графу В.Б. Фредериксу по одному, очень важному для музея, вопросу. «Образованный из бывшего Михайловского дворца, известного строгой симметрией своего наружного вида, Русский Музей Императора Александра III, находясь на одном из лучших земляных участков столицы, при дальнейшем развитии своем и возведении для него, взамен существующих, новых построек, несомненно, должен представлять и в будущем также вполне симметричное сооружение, иначе нарушилась бы гармония целого и навсегда бы утратилось впечатление монументальности здания. Вследствие чего соображение это и было принято во внимание при проектировании ныне строящегося, примыкающего с правой стороны к главному корпусу Музея, нового здания <...> на месте сломанных по непригодности двух существовавших ранее флигелей. <...> Постройка этого здания ведется с таким расчетом, чтобы по окончании ее для восстановления симметрии можно было приступить к возведению такого же здания и на противоположной стороне главного корпуса. Необходимость сооружения такого здания с левой стороны главного корпуса, несомненно, со временем явится <...> практически, т.к., при образовании обширнейшего Русского Музея, в 1895 году намечено осуществить в музее кроме отделов Художественного и Этнографического еще отдел Художественно-промышленный, не говоря уже о том, что с быстрым ростом коллекций в самом Художественном отделе помещения последнего в скором времени окажутся недостаточными. Высказанные соображения побуждают озаботиться приобретением в распоряжение Музея соседнего с ним земельного участка, занятого в настоящее время постройками государственной типографии <...>, т.к. при возведении указанного здания для Художественно-промышленного отдела Русского Музея (он) необходимо должен быть застроен»¹⁷. До поры до времени этот вопрос оставался открытым.

В 1908–1909 годах приступили к отделке Памятного зала. Начали облицовывать стены, устанавливая колонны. Артиллерийское ведомство отпустило музею необходимое количество медного лома на изготовление бронзовых деталей. Газета «Новое время» регулярно и широко освещала ход строительства. В публикации Н. Кравченко «Расширение музея» выражалось восхищение перед грандиозным и уникальным по замыслу музейным сооружением. Особенно притягивал к себе всеобщее внимание Памятный

зал: «этот огромный зал – нечто необыкновенное, чему нет равных в России. Розовый русский мрамор послужил главным материалом для отделки. Весь зал выложен этим чудным мрамором, поражающим своим богатством оттенков, украшен такими же монолитными колоннами. На бронзовых капителях держится огромный стеклянный потолок. Внизу, опоясывая зал, тянется монументальный многофигурный барельеф. Статуя Царя-Миротворца встает в глубине зала против входа. Вы ощущаете мощь этого беспримерного памятника, здесь все задумано широко, просто, но удивительно сильно и цельно»¹⁸. Почти легендарной фигурой представлял в ней строитель музея архитектор В. Свиньин, с его невероятной энергией, упорством в работе, которой он отдавался целиком, с непрерывным стремлением к совершенствованию проекта даже в процессе стройки, а главное – с любовью к своему детищу. Его противопоставляли тем архитекторам, заваленным заказами, которые бросаются от дела к делу, от одной стройки к другой, почти все перепоручая своим помощникам.

Наконец, 15 октября 1910 года была закончена постройка первой очереди здания Этнографического отдела. Поскольку выделенные казной средства на строительство ее были полностью израсходованы в 1906–1910 годах, великий князь Георгий Михайлович вновь поставил вопрос перед правительством о выделении кредитов на расходы по внутренней отделке, оборудованию для уже возведенной части и на завершение сооружения здания в полном объеме. Тогда Николай II повелел образовать для этого особое совещание, которое проходило в феврале 1911 года в составе Председателя Совета министров П.А. Столыпина, министра финансов В.Н. Коковцова, представителя Государственного контроля П.А. Харитонов. Музей представлял управляющий великий князь Георгий Михайлович, приглашены были также с подробными материалами, подготовленными на рассмотрение Совещания, заместитель управляющего граф Д.И. Толстой, архитектор В.Ф. Свиньин и заведующий Этнографическим отделом Н.М. Могиланский. Представив финансовый отчет за весь строительный период, августейший управляющий музеем, признавая необходимым приступить к исполнению наиболее полного из составленных в 1904 году вариантов застройки здания Этнографического отдела, просил о финансировании строительства музея в течение 1911–1913 годов.

Согласно докладу заведующего Этнографическим отделом Н.М. Могиланского, план работ по собиранию этнографических коллекций,

а также порядок размещения их в музее были составлены в расчете на полный вариант здания, законченная постройка не дает возможности вместить весь материал. Он отметил активный рост музейного собрания, куда вошли еще коллекции нумизматики, христианских древностей, предметов археологии, сообщил также о проекте нового отдела, который в дополнение к народному быту давал бы представление о быте высших классов России в столицах и провинции. Все нижеперечисленные коллекции могли бы впоследствии составить исторический раздел музея, который точно также нуждался бы в особом помещении. В этих условиях вопрос о дальнейшем расширении нового здания приобретает серьезное значение. В.Ф. Свиньин со своей стороны объяснял целесообразность завершения строительства в полном объеме с технико-строительной и экономической точек зрения.

Однако теперь, несмотря на экономический расцвет империи, прежней заинтересованности проявлено не было. Резолюция совещания гласила: «...в настоящее время едва ли можно с достаточной определенностью судить о размерах потребного для Этнографического отдела помещения, а исторические коллекции, находящиеся ныне в Главном здании, могут временно там оставаться. <...> Ныне весьма трудно оправдать необходимость дальнейшего расширения только что выстроенного для Музея здания. <...> Встретились бы серьезные затруднения при изыскании потребных на это денежных средств» и т.п.¹⁹. В итоге постановили ограничиться ассигнованием средств на оборудование и отделку завершенной части Этнографического и Памятного отделов. Вопрос об увеличении размеров здания нашли возможным отложить до открытия упомянутых отделов и точного выяснения размеров, потребных для Этнографического отдела. Все это усугубляло уже и без того обозначившийся кризис в осуществлении перспективного плана развития ансамбля музея. Реальная угроза ему возникла в мае 1910 года. Академии художеств, где тон уже задавали новые лица, с помощью нового президента великой княгини Марии Павловны удалось заполучить уже упомянутый, соседний с музеем участок земли, ранее занимаемый Государственной типографией, под строительство Выставочного здания Академии. Когда Николай II одобрил постановление Совета министров «О передаче места бывшей Государственной типографии Императорской Академии художеств», в прессе поднялись голоса за право музея на эту территорию и необходимость отмены майского решения Совета министров²⁰ (илл. 6).

Илл. 6. В.Ф. Свиньин. Рис. для газеты «Новое время» 12 июня 1910 года

4 марта 1911 года на имя председателя Совета министров П.А. Столыпина от августейшего управляющего музеем поступило официальное ходатайство о пересмотре этого постановления²¹. В ожидании решений В.Ф. Свиньин подготовил тогда всю «наглядную агитацию», в том числе перспективный план застройки музея. Предвидя широкое развитие русского искусства, он задумал застроить музейный участок по всему периметру, планируя как по Садовой улице, так и вдоль Екатерининского канала новые экспозиционные корпуса, обнимающие Михайловский сад. Этот план, на наш взгляд – яркое свидетельство тому, каким «толстовцем» оставался В.Ф. Свиньин. Достаточно вспомнить «Записку» графа И.И. Толстого, послужившую поводом учреждения Музея: «Для такого грандиозного памятника необходимо именно такое здание как Михайловский дворец с его огромным садом, который даст возможность, в случае переполнения первоначальных зданий, всегда дополнить помещения постройкою (хотя бы лет через 40–50) новых зданий, может быть, фасадом на Царицын луг, там, где ныне помещается павильон»²².

5 марта Николай II посетил Русский музей. Осматривая проекты, он согласился с необходимостью симметричного вида музейного комплекса («Конечно, должно быть так») и высказал пожелание, чтобы дальнейшее развитие музея было согласовано с генеральным планом всей местности, тем самым как будто поддержал позицию музея. Тогда же на страницах газет и журналов развернулась ожесточенная полемика²³.

19 марта было подготовлено «Мнение» совета Академии²⁴, 22 марта с письмом к П.А. Столыпину обратилась обеспокоенная президент АХ великая княгиня Мария Павловна²⁵. 28 марта 1911 года совет Академии подготовил и созвал общее собрание ее членов, чтобы решить вопрос «Действительно ли следует с правой стороны Михайловского дворца возводить такое же сооружение, какое выстроено с левой стороны». Новое руководство, воспользовавшись своим теперь уже чисто формальным правом художе-

ственного арбитра для Русского музея, решительно высказалось: 1) оставить существующий (западный) флигель в неприкосновенности, 2) на соседнем с ним земельном участке построить здание для выставок, 3) объявить всероссийский конкурс на составление проекта этого здания²⁶. Таким образом, с перспективным планом музея, неугодным некоторым из членов Академии, было покончено. Они не допускали мысли о застройке правого крыла музея (где могло бы найтись место и для Выставочного зала) по его собственному генеральному проекту.

Однако великий князь Георгий Михайлович еще не оставлял своей позиции. 16 апреля он писал из Франции личное письмо П.А. Столыпину: «Многоуважаемый Петр Аркадьевич! Мой товарищ граф Д.И. Толстой уехал по делам службы в Рим до 16 мая. В случае, если в ближайшем будущем Вам угодно будет назначить в Совете министров рассмотрение дела об участке земли, принадлежавшем Гос. Типографии, то не найдете ли возможным пригласить на заседание строителя музея архитектора Свиньина. Считаю долгом предупредить Вас, что он лучше меня и Толстого выяснит всю необходимость не отторгать этот участок от музея. Чувствуя ответственность в особенности в будущем, я считаю своим долгом хлопотать об этом участке до последней возможности, и потому решился побеспокоить Вас этим частным письмом. Глубоко уважающий Вас Георгий»²⁷.

1 мая отчаявшийся В.Ф. Свиньин также обратился с письмом к П.А. Столыпину, где по поводу последнего решения Академии им сказано следующее: «Казалось бы, лицам, добивавшимся такой постановки вопроса²⁸, следовало приветствовать и блюсти его, так нет – оказывается, главный-то из них, г. Бенуа, первый же и пренебрег им, и в настоящее время спешит день и ночь, не дожидаясь объявления даже программы конкурса, изготавливает проект по-своему в полной уверенности в наискорейшем времени добиться через посредство влиятельных лиц утверждения его к постройке. И что самое досадное – достигнуть этого он может, т.к., по всему

вероятно, проект свой представит не в связи с общим видом музея...»²⁹. Так оно и произошло. Академик Л.Н. Бенуа теперь уничтожал проект В.Ф. Свиньина. Осталась в прошлом и «просви́ньинская» позиция Д.И. Толстого, ныне согласившегося с мнением Академии. Строитель музея понимал, что терпит поражение. Противники продолжали преследовать его, устроив настоящую травлю на страницах своих журналов в критических обзорах, хрониках и заметках, называя его постройку «гадостью», «уродством», «безобразием», «безвкусицей», награждая эпитетами «жалкий», «курьезный», «нелепый» и т.п. Так продолжалось до 1914 года, пока здание Дворца искусств по проекту Л.Н. Бенуа не было заложено рядом с Русским музеем. В этих условиях В.Ф. Свиньину пришлось завершать отделку Памятного зала.

К 1915 году, наконец, поднялся этот огромный зал. Даже огорчавшие архитектора недоделки не смогли испортить впечатления. Благодаря искусному подбору богатого оттенками камня – от фиолетового до розового – кажутся монолитными его стены и колонны, а пространство особенно обширным и глубоким. Грандиозна колоннада, опирающаяся на стилобат с врезанным монументальным фризом, легок серебриющийся хрустальный плафон в ажурной оправе из светлой бронзы. Цельность торжественной громады и каждая тщательно и любовно проработанная деталь его декора – свидетельство колоссального труда, вложенного в этот зал. Одетый в розовый каменный наряд, он особенно красив в ярком солнечном свете.

Великого князя Георгия Михайловича не покидала надежда достроить здание Этнографического отдела. К тому же он видел множество накопившихся проблем внутреннего порядка и полагал при этом, что для выведения музея из критического положения необходимо вернуться к истокам его основания. По его убеждению музей должно быть «придано окончательное устройство в соответствии с первоначальными о нем предначертаниями, изображенными в именном Высочайшем Указе 13 апреля 1895 года в качестве особого Государственного уста-

новления, состоящего под непосредственным покровительством Государя Императора и пользующегося по его научно-художественному значению необходимыми средствами и должной организацией»³⁰.

В 1914 году Россия вновь вступила в войну, теперь мировую. Исходя из этих обстоятельств, в декабре 1916 года строительство Русского музея императора Александра III было приостановлено. В.Ф. Свиньин вернулся к своим обязанностям архитектора по зданиям Академии художеств. Официальное открытие Этнографического и Памятного отделов решено было отложить до окончания военных действий.

Наступившая в 1917 году революция прервала связь времен. 20-летняя эпопея строительства «Русского Лувра»³¹ осталась незавершенной. Это стало личной драмой и творческой судьбой архитектора В.Ф. Свиньина. Идея, положенная в основание музея, была слишком грандиозна, чтобы в условиях войн, которые пришлось вести России, осуществиться в отведенный для этого срок. В сложнейшем деле строительства музея, вместившем в себя огромный комплекс задач, В.Ф. Свиньин показал свои высокие профессиональные навыки и умения. Он обнаружил характерный для него прагматизм и целеустремленность, изобретательность в соединении с художественной интуицией, которые выразились в соотношении собственных архитектурных идей с классическим наследием, позволявшим находить стилистически верные решения. Наиболее ярким свидетельством тому является Памятный зал. Эти же черты можно отметить и в работе архитектора по строительству здания в целом. Конечно жаль, что это музейное здание, которое по специфичности своей структуры уникально, выросло на месте строений, входящих в ансамбль К.И. Росси, но не одного В.Ф. Свиньина в этом вина. Предвзятость современников, отзывавшихся о творчестве строителя музея резко негативно, привела к принижению заслуг зодчего и почти полному его забвению, в чем нельзя не увидеть исторической несправедливости.

¹ ОР ГРМ. Ф. 100. Ед. хр. 232, 235.

² См.: ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 23–25.

³ 1 сажень – 2,13 метра.

⁴ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 75 об.

⁵ Зодчий. – № 41 – 1909. – С. 404: «Русский музей императора Александра III».

⁶ На новую должность в 1901 году был назначен младший брат графа И.И. Толстого по рекомендации последнего.

⁷ Бенуа А. Материалы для истории вандализма в России. Разрушение Михайловского дворца. Хроника // Мир искусства. – 1903 – № 12. – С. 117–120; Бенуа А.Н. Русский музей императора Александра III. – М., 1906.

⁸ РГИА. Ф. 696 (гр. Д.И. Толстой). Оп. 1. Д. 208. Л. 14, 15.

⁹ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 6 об. План см.: Зодчий. – № 41. – 1909. – Табл. XXVIII.

¹⁰ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 14 об.

¹¹ Там же. Ед. хр. 252. Л. 8 об.

¹² Из послания великого князя Георгия Михайловича министру финансов: ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 23 об.

¹³ Там же. Ед. хр. 272. Л. 27.

¹⁴ Там же. Л. 27 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 696. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 3.

¹⁶ РГИА. Ф. 560 (Общей канцелярии Минфина). Оп. 26. Ед. хр. 868. Л. 376 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 530. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 43, 44.

¹⁸ Новое время. – № 11911 от 11 (24) мая 1909 года.

¹⁹ Заключение особого совещания: ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 461. Л. 6, 7.

²⁰ Кривококий музей // Новое время. – 10.06.1910; Русский музей императора Александра III // Новое время. – 05.03.1911; Однококий музей // Новое время. – 06.03.1911.

²¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Ед. хр. 518. Л. 177, 178.

²² Гр. И.И. Толстой: ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 61.

²³ Маг Г. Выставочное здание и бывшая государственная типография // Новое время. – 23.02.1911; Маг Г. Русский музей императора Александра III // Новое время. – 05.03.1911; Меньшиков Н. Русский музей императора Александра III // Новое время. – 23.03.1911; Кравченко Н. По поводу проекта Леонтия Бенуа // Новое время. – 27.03.1911; Бенуа А. Меньшиков и Свиньин // Речь. – 26.03.1911; Бенуа А. Еще раз о Михайловском дворце // Речь. – 07.04.1911; Бенуа А. Вандализм и строительство // Речь. – № 294. 1912; Лукомский Г. О перестройках Михайловского дворца, об Инженерном замке и о постройке Дворца Искусств // Русская художественная летопись. – № 7. 1911; Лукомский Г. Об архитектуре Петербурга // Русская художественная летопись. – № 5. 1912.

²⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Ед. хр. 518. Л. 165–166 об.

²⁵ Там же. Л. 167 об.

²⁶ Там же. Л. 195–198.

²⁷ Там же. Л. 186 об.

²⁸ Объявить всероссийский конкурс на составление проекта этого здания.

²⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Ед. хр. 518. Л. 208.

³⁰ Из послания к министру Императорского двора 23 сентября 1913 года: ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 577. Л. 6.

³¹ Образное выражение В.Ф. Свиньина.

Список сокращений

ГРМ	Государственный Русский музей
ВА ГРМ	Ведомственный архив ГРМ
ОР ГРМ	Отдел рукописей ГРМ
РГИА	Российский государственный исторический архив
НИМРАХ	Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств
РЭМ	Российский этнографический музей